

22. СЗРИ. СПб, 1842–1855. Т. 2. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. 1842. 1753 с.
23. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 1857. 491 с.
24. СЗРИ. СПб, 1857. Т. 2. Ч. 1. Общее учреждение губернское. 1857. 1474 с.
25. *Томсинов, В. А.* Судебная система Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов). Статья первая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право, 2016. № 3. С. 3–24.

УДК 94 (476): 351.745

СОСЛОВНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧИНОВНИКОВ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

А. А. Киселёв

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, kiselev_aa@list.ru*

На рубеже XIX–XX вв. состав чиновников уездной полиции белорусских губерний комплектовался из представителей практически всех сословий. Подавляющее большинство чиновников не имели недвижимой собственности. Источником их существования являлась государственная служба.

Ключевые слова: уездная полиция; социальный состав; белорусские губернии; имущественное положение.

CLASS ORIGIN AND PROPERTY STATUS OF COUNTY POLICE OFFICIALS BELARUSIAN PROVINCES AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

A. Kiselev

*Belarusian State Economic University, 26, Partizanski Av, Minsk 220070, Belarus,
kiselev_aa@list.ru*

At the turn of the 19th – 20th centuries the composition of district police officials in the Belarussian provinces was made up of representatives of almost all classes. The vast majority of officials did not have real estate. The source of their existence was the public service.

Keywords: county police; social composition; Belarussian provinces; property status.

В белорусской историографии отмечалось, что основной тенденцией социального развития второй половины XIX – начала XX вв. являлись процессы модернизации, которые выражались в формализации сословных границ, социальной мобильности [1, с. 264]. В этой связи представляет интерес вопрос о том, в какой степени данные процессы отразились на социальном составе чиновничества белорусских губерний. В качестве примера приведем сведения о сословном происхождении и имущественном положении

классных чиновников уездных полицейских управлений белорусских губерний. В этих целях нами были проанализированы формулярные списки 306 исправников, их помощников, станowych и городских приставов, помощников приставов, полицейских надзирателей, секретарей, столоначальников и регистраторов, проходивших службу в Витебской, Минской и Гродненской губерниях соответственно в 1896, 1898 и 1902 гг. [2, 3, 4].

Анализ сословного состава начальников уездных полицейских управлений этих губерний показал, что из 28 чел. (96,5 % от штата) 7 чел., или каждый четвертый, принадлежат к потомственному дворянству, 8 чел. (28,6 %) оказались выходцами из духовного звания, 5 чел. (17,9 %) происходили из обер-офицерских детей, 3 чел. (10,7 %) были сыновьями чиновников, 2 (7,1 %) являлись мещанами, 1 (3,6 %) был сыном штаб-офицера, 1 (3,6 %) – инженер-техника. В одном случае в формулярном списке сведений не оказалось. Показательно, что явное большинство исправников (25 чел. – 82,1 %) не имели недвижимой собственности и могли рассчитывать исключительно на казенное жалование. Из обладавших собственностью лиц три исправника имели земельные владения в размере 50, 78 и 400 дес. соответственно. В формуляре начальника кобринской уездной полиции Ф. Ф. Рынейского значился приобретенный деревянный дом в Кобрине стоимостью в 700 руб. Еще один исправник имел благоприобретенное имение в Смоленской губернии без указания в графе списка количества десятин, а также наследственное имение, принадлежащее его супруге.

Среди помощников исправников 11 чел. (37,9 %) происходили из потомственных дворян, столько же – из духовного звания, 2 чел. (6,9 %) являлись крестьянами, 2 чел. (6,9 %) указали, что являлись сыновьями чиновников, а по 1 (3,4 %) чел. происходили из канцелярских служащих, из обер-офицерских детей и из мещан. Относительно обладания недвижимой собственностью имущественное положение помощников исправников не отличалось от статуса их начальников, поскольку большинство из них (25 чел. – 86,2 %) существовали за счет службы. Остальные, хоть и обладали недвижимостью, не могли похвастаться значительными земельными владениями. В частности, один помощник исправника указал имеющиеся за его отцом 4 дес. земли. Помощник полоцкого исправника Ф. М. Скугарь-Скворский унаследовал за родителями 2 дома и 12 дес. земли, а также приобрел 1 200 саженой земли в Чернигове под усадьбу. Помощник речичского исправника В. П. Бабаев владел 30 дес. в Тверской губернии, но разделял владение с братом и сестрой. Наконец, второе лицо в Пинском уездном полицейском управлении указало в своей собственности благоприобретенное имение «Крапивно», но без размера в десятинах.

Из 113 должностей станowych приставов Гродненской, Минской и Витебской губерний удалось выявить 107 (94,7 %) формулярных списков чиновников этой категории. Самой распространенной сословной группой

среди станových оказались выходцы из сословия священно- и церковнослужителей: от сыновей священников до псаломщиков. Их оказалось 28 чел., или 26,2 %, т. е. практически каждый четвертый чиновник. На втором месте разместились дворяне, которые насчитывали 21 чел. (19,6 %), т. е. почти каждый пятый. Третье место среди сословных групп заняли чиновники, происходившие из обер-офицерских детей (15 чел. – 14 %). Достаточно заметную долю среди станových приставов составляли выходцы из самых низших социальных слоев. Так, 12 чел. (11,2 %) происходили из крестьян и столько же были из мещан (12 чел. – 11,2 %). Если к ним добавить двух чиновников, у которых в формулярном списке значилось происхождение «из податного сословия», то окажется, что на долю представителей самых массовых сословий империи (крестьян и мещан) придется 26 чел. или 24,3 %. Кроме того, 3 чел. (2,8 %) происходили из солдатских детей. Вместе с тем, 9 чел. (8,4 %) были сыновьями классных чиновников (от коллежских ассессоров до коллежского регистратора), 1 происходил их сыновей канцелярских служителей и еще один становой определил себя как сына отставного смотрителя почтовой станции. К потомственным почетным гражданам принадлежали 2 (1,9 %) чиновника. Наконец, один становой являлся сыном купца 2-й гильдии. По сравнению с исправниками и их помощниками собственников среди станových приставов оказалось еще меньше: всего 9 чел. (8,4 %) из 107. При этом только 4 чел. имели земельную собственность, причем в трех случаях собственность оказалась благоприобретенной: 100 дес., 320 дес., 524 дес. 1 386 саж. Правда, в случае купленных 100 дес. земли, покупателями собственности являлись родители станowego. В одном случае чиновником было унаследовано 260 дес. Прочие же чиновники являлись обладателями недвижимости в виде домов, из них 3 чел. пользовались приобретенными жилищами: деревянным домом, деревянным домом с приусадебным участком и двумя каменными домами. В одном случае за станowym значился унаследованный деревянный дом с участком в 120 саж., а за его супругой – дом с наделом в 1 500 саженой вместе с 4 лавками. Наконец, в последнем случае владельцем дома в Нижнем Новгороде в формуляре чиновника значился его отец.

Анализ сословного происхождения чиновников уездной полиции как частные приставы, помощники пристава и полицейские надзиратели, отвечавших за порядок в уездном центре и отдельных городах в пределах уезда, показал, что из 23 (95,8 % от штата) полицейских надзирателей по сословному происхождению 5 чел. (21,7 %) являлись дворянами, столько же надзирателей были выходцами из духовенства (21,7 %). Представители мещанства (4 чел. – 17,4 %) составили третью по численности сословную группу на этой должности. Два (8,7 %) полицейских надзирателя указали происхождение из личных дворян, 1 чел. (4,3 %) – из потомственных почетных граждан, 1 – из личных почетных граждан, 1 – из обер-офицерских детей, 1 – сын коллежского советника, 1 – сын станционного смотрителя,

выслужившего впоследствии чин коллежского регистратора, 1 – из цеховых Санкт-Петербурга. Наконец, еще один надзиратель происходил из крестьян. Подавляющее большинство (21 чел. – 91,3 %) этих полицейских чиновников не имели недвижимости. В двух случаях недвижимость была унаследована от родителей: один из надзирателей имел 15 дес. земли, а второй – 8 дес. и родительский деревянный дом. Из трех приставов (100 % от штата), отвечавших за порядок в уездном городе, один пристав был сыном дьячка, т. е. происходил из церковнослужителей, 1 являлся крестьянином, и еще 1 имел в формуляре отметку «из податного сословия». Никто из них не имел недвижимой собственности. Наконец, два помощника приставов (100 % от штата) оказались выходцами из мещанского сословия, которые существовали исключительно на служебное жалование.

Иная картина распределения по сословным группам наблюдается среди секретарей полицейских управлений. Так, самой многочисленной группой оказались представители духовного сословия – 8 чел. (27,6 %), на втором месте разместились крестьяне (5 чел. – 17,2 %), к которым можно еще добавить секретаря Новогрудского УПУ К. П. Троновского, указавшего происхождение «из податного звания»; 4 (13,8 %) были из мещан, 3 (10,3 %) являлись дворянами, столько же секретарей (10,3 %) были из дворян, не утвержденных Герольдией. В двух формулярных списках значились обер-офицерские дети (6,9 %). Кроме того, по одному секретарю происходило из кантонистов, из личных почетных граждан и сыновей отставного кандидата, отказавшегося от утверждения в офицерском чине. Подавляющее число секретарей (26 чел. – 89,7 %) жили исключительно за счет государственной службы, не имея недвижимости. Один из секретарей оказался владельцем деревянного дома с плацом. Секретарь Белостокского УПУ А. О. Лычковский указал наличие двух благоприобретенных домов в Белостоке, но недвижимость была куплена его матерью. Самым состоятельным оказался секретарь Кобринского УПУ А. С. Гринкевич, за отцом которого числилось 20 дес. унаследованной земли, а в Сокольском уезде на имя родителей чиновника было куплено 128 дес. земли и каменный дом в Соколке.

При описании происхождения столоначальников выявлено 57 формуляров из 58 (98,3 %), причем в этой категории служащих наблюдались отличия по сравнению с высшими чиновниками уездной полиции. В частности, дворяне составили всего 10,5 %, или 6 чел., а на выходцев из духовного звания приходилось 17 чел. (29,8 %). Среди 17 служителей церкви 9 чел. являлись священнослужителями, а 8 чел. были представителями церковного причта: псаломщиками, дьячками и причетниками. 12 чел. (21,1 %) являлись крестьянами, 9 чел. (15,8 %) – мещанами, 4 (7 %) были сыновьями чиновников от коллежского советника до коллежского регистратора, 2 чел. (3,5 %) происходили из обер-офицерских детей, 2 (3,5 %) – из потомственных почетных граждан, по 1 (1,7 %) столоначальнику принадлежали к личным почетным гражданам, казакам, канцелярским служителям, сыновьям фельдшера и старшего почтового сортировщика. Состоятельными чиновников

этой категории не назовешь, поскольку 53 (93 %) из 57 столоначальников не имели недвижимой собственности. Трое служащих являлись владельцами купленных ими домов, причем в одном случае в формулярном списке значился второй дом, купленный на имя жены. Только один столоначальник являлся наследником отцовских 18 дес. земли, а также приобрел дом.

Среди 28 (97 % от штата) регистраторов самой распространенной группой оказались мещане (9 чел. – 32,1 %). На второй позиции разместились крестьяне (7 чел. – 25 %), а третьими по численности были обер-офицерские дети – 4 чел. (14,3 %). По 2 регистратора принадлежали к дворянам (7,1 %), к выходцам из духовного сословия и сыновьям чиновников. В одном случае в формулярном списке было указано о принадлежности к дворянам, не утвержденным Герольдией, а еще в одном значилась принадлежность к потомственным почетным гражданам. Как и прочие чиновники канцелярии уездных полицейских управлений регистраторы могли рассчитывать в основном на доходы от коронной службы. Так, 25 (89,3 %) чел. из 28 не имели недвижимости. Регистратор Кобринского УПУ Г. П. Козакевич оказался владельцем 3 дес. в пределах Кобрина. Еще один регистратор указал деревянный дом, купленный его матерью. Наконец, регистратор В. О. Лычковский вслед за своим братом – секретарем Белостокского УПУ А. О. Лычковским – задекларировал два деревянных дома в Белостоке, купленных на имя матери служащего.

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков социальный состав чиновников уездной полиции белорусских губерний можно охарактеризовать как всесословный. Дворянское происхождение имели 18 % (55 чел.) всех чиновников, а самой многочисленной сословной групп оказались выходцы из церковнослужителей – 80 чел. (26 %). Показательно, что ни на одной должности в уездных полицейских управлениях дворяне не составляли большинства. Особенностью западных, в том числе белорусских, губерний являлось наличие такой социальной подгруппы как дворяне, не утвержденные Герольдией. Таких чиновников оказалось 4 чел. (1,3 %). Среди полицейских чинов насчитывалось всего 2 чел. из личных дворян, или 0,7 %. 31 чел. (10,1 %) происходили из обер-офицерских детей. Если говорить о выходцах из самых массовых и непривилегированных социальных групп, т. е. крестьян, мещан и примыкающим к ним таким группам как, например, солдатские дети, то на представителей этих социальных слоев приходится 30 % (92 чел.) всех чиновников. Заметную долю полицейских составляли дети чиновников разных классов, на которых приходилось 7,5 %, или 23 чел. Вместе с детьми канцелярских служителей на эту группу приходилось 8,5 % всех лиц, занимавших классные должности. Отдельно следует выделить выходцев из потомственных и личных почетных граждан, доля которых равнялась 2,9 % (9 чел.). Если к ним прибавить сына купца 2-й гильдии, то этот процент вырастет до 3,3. Наконец, к разночинцам можно отнести приблизительно 6 чел., или 2 %. Характеризуя имущественное по-

ложение чиновников, следует отметить, что подавляющее большинство полицейских чинов не имели недвижимой собственности. Основным источником их существования являлась государственная служба.

Библиографический список

1. *Каханоўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1416. Оп. 2. Д. 19084. Л. 1–1017.
3. НИАБ в Гродно. Ф. 2. Оп. 37. Д. 2356. Л. 1–787.
4. НИАБ. Ф. 299. Оп. 7. Д. 403. Л. 3–632.

УДК 355.233.233.1:378

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОТНИКОВ И УЧАЩИХСЯ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА (1914–1916 гг.)

М. К. Клишко

*Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013,
г. Минск, kmkminsk@mail.ru*

В годы Первой мировой войны в Виленском учебном округе (ВУО) максимально использовались учебный процесс и внеклассная деятельность учащихся в целях реализации основных задач военно-патриотической подготовки. Вместе с тем деятельность прифронтового ВУО была направлена на всестороннюю поддержку армии и семей участников военных событий. Активное участие ВУО в поддержке благотворительных фондов, адаптации раненых и увеченных солдат, оказании моральной поддержки воинам значительно способствовало созданию в учебных заведениях патриотической атмосферы.

Ключевые слова: Виленский учебный округ; Первая мировая война; военно-патриотическое воспитание.

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF WORKERS AND STUDENTS OF THE VILENSKY EDUCATIONAL DISTRICT (1914–1916)

M. Klimko

*Belarusian National Technical University, 65, Niezależnasciavenue, Minsk, 220013, Belarus,
kmkminsk@mail.ru*

During the years of the First World War in the Vilensky Educational District (VED), the educational process and extracurricular activities of students were maximally used to achieve the primary objectives of military-patriotic preparation. At the same time, the activities of the front-line VED were aimed at comprehensive support for the army and the families of participants in the military events. The active participation of the VED in supporting charitable foundations, assisting wounded and disabled soldiers, and providing moral support to servicemen significantly contributed to the creation of a patriotic atmosphere in educational institutions.

Keywords: Vilensky Educational District; World War I; military-patriotic education.